

СТАТЬИ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Я. М. СВЕРДЛОВА в 1917 году

К. Т. Свердлова

Впервые я начала знакомиться с марксистской литературой и принимать участие в работе революционных кружков на Урале, в Екатеринбурге, в конце 1890-х годов. В 1904 г. я вступила в РСДРП, а уже весной 1905 г. была введена в состав Екатеринбургского комитета большевиков. Там, в Екатеринбурге, в сентябре 1905 г. я впервые встретила Якова Михайловича Свердлова, приехавшего на Урал в качестве агента ЦК. На Урале началась наша совместная жизнь и работа, оборвавшаяся только со смертью Якова Михайловича.

Февральская революция застала нас в далекой Туруханской ссылке, в глухом таежном селе Монастырском, куда весной 1915 г. я приехала с двумя нашими ребятами к Якову Михайловичу, отбыв ссылке в Тобольской губернии. Первые известия о начавшейся революции дошли до нас 2—3 марта *. В эти же дни Я. М. Свердлов получил телеграмму из Красноярска от солдат 14-го Сибирского стрелкового полка. Солдаты слали ему поздравления и переводили деньги на дорогу.

Яков Михайлович ни минуты не колебался, сборы его были молниеносны. Уже на следующий день он вместе с участником Пражской конференции, членом ЦК Филиппом Голощекиным, покинул Монастырское. Медлить было нельзя: единственный путь в Красноярск, в Россию лежал по Енисею, проехать надо было на лошадях свыше тысячи верст, а река могла того и гляди вскрыться в верховьях.

Из воспоминаний товарищей, документов, рассказов самого Якова Михайловича можно воссоздать картину его деятельности после отъезда из Туруханска. Объезжая на Енисее полыньи, рискуя каждую минуту провалиться под лед, Свердлов и Голощекин примерно 19—20 марта добрались до Красноярска. В Красноярске они пробыли всего несколько дней, но и за это время Яков Михайлович провел большую работу. Выступая на собрании местной группы «правдивистов» и на заседании Красноярского Совета, Я. М. Свердлов решительно высказался против какой бы то ни было поддержки Временного правительства, против продолжения войны, за переход власти в руки Советов.

Покинув Красноярск 23 марта, Свердлов и Голощекин 29 марта прибыли в Петроград, откуда утром 3 апреля Яков Михайлович выехал на Урал. 14—15 апреля в Екатеринбурге состоялась первая легальная Уральская конференция РСДРП (б). Работой конференции и подготовкой к ней руководил Я. М. Свердлов. В своих выступлениях на конференции Свердлов, как и в Красноярске, отстаивал ленинские позиции. Конференция избрала областной комитет партии и поручила местным организациям провести выборы делегатов на Всероссийскую конференцию РСДРП (б). Свердлов был избран в областной комитет и делегатом Всероссийской конференции от Урала.

В Петроград Яков Михайлович приехал за несколько дней до Апрельской конференции и сразу же включился в работу по ее подготовке.

* Здесь и далее — по старому стилю.

Он принимал деятельное участие в совещаниях делегатов, проводившихся Центральным Комитетом партии перед конференцией, беседовал с многими товарищами, интересовался работой партийных организаций, настраиваниями на местах. Мне не довелось в эти дни быть в Петрограде, но, как вспоминает Е. Д. Стасова, работавшая тогда секретарем бюро ЦК, «по существу, вся организационная работа на конференции проводилась Яковом Михайловичем»¹.

Активный участник Апрельской конференции Серафима Ильинична Гопнер рассказывает: «Впервые я встретила с Я. М. Свердловым в апреле 1917 г. на VII Всероссийской партийной конференции, в которой я участвовала как делегат от Екатеринослава. Еще до начала заседаний и особенно в ходе работ конференции бросалось в глаза, что Я. М. Свердлов являлся главным организатором конференции. В первый день конференции Свердлов в числе других был избран в президиум конференции, состоявший всего из пяти человек.

Хлопот у Свердлова было невероятно много. Не надо забывать, что мы еще не были у власти и возможности наши были весьма ограничены.

На Свердлова пала вся работа по встрече делегатов, по устройству их питания и жилья, снабжению их материалами и вообще вся подготовка конференции.

Все это не помешало Свердлову внимательно следить за ходом дискуссии и активно участвовать в работе конференции. В острой борьбе Ленина против небольшой группы, противопоставлявшей свою позицию ленинской, Свердлов был твердой опорой Ленина. Помню, как на третий день работы конференции Яков Михайлович выступил с предложением всем делегатам разбиться на секции для детального обсуждения резолюций, уже обсуждавшихся до этого в комиссиях конференции. Его горячо поддержал Ильич, который раза два подчеркивал необходимость обсудить все вопросы обстоятельно, без спешки.

По предложению Свердлова было создано шесть секций по главным вопросам повестки дня. Проекты большинства резолюций были написаны Ильичем, причем написаны от руки, на машинке не размножались и в единственном экземпляре передавались в комиссии для обсуждения. Работу комиссий и секций организовал Я. М. Свердлов. Он постоянно появлялся то в одной, то в другой комиссии, информируя о ходе дискуссии в других комиссиях. Он же зачитывал на конференции текст ряда резолюций, подчеркивая, какие изменения были внесены при обсуждении»².

Перед Апрельской конференцией осуществились давние мечты Якова Михайловича. Свердлов впервые встретился с Владимиром Ильичем Лениным. С юношеских лет, с первых шагов своей революционной деятельности Свердлов видел в Ленине учителя и вождя, его мировоззрение формировалось под воздействием ленинских работ. Но до апреля 1917 г. ему ни разу не довелось встретиться с Владимиром Ильичем. В свою очередь, и Ленин немало слышал об «уральском Андрее», переписывался с ним еще в годы подполья. Владимир Ильич с первых же встреч оценил многогранный талант и кипучую энергию Якова Михайловича, глубоко привязался к нему, искренне полюбил неизменно жизнерадостного и бодрого Свердлова, всегда прямого и бесхитростного, нетерпимого к политиканству и интригам.

На Апрельской конференции Я. М. Свердлов был избран в состав ЦК, и после окончания конференции ему было предложено остаться на работе в ЦК. С тех пор вплоть до своей смерти Яков Михайлович возглавлял всю практическую работу Центрального Комитета партии. На его плечи

¹ «Стенограмма заседания Ученого совета Музея революции СССР от 4 июня 1955 г.», стр. 2.

² С. И. Гопнер Из воспоминаний о Я. М. Свердлове. Архив Института марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС, ф. 86.

легла огромная ответственность и обширный круг самых разнообразных и сложных обязанностей. Сейчас трудно себе даже представить, в каких условиях приходилось в те далекие дни работать Центральному Комитету, как мал был его аппарат и насколько обширен и разнообразен круг вопросов, которые надлежало решать, причем решать сразу, тут же, без промедления и проволочек. Центральный Комитет был коллективным мозгом партии, ее боевым штабом. Все наиболее важные, принципиальные вопросы решались на заседаниях ЦК, происходивших не реже двух — трех раз в неделю.

Каждый из членов ЦК, секретариат Центрального Комитета должны были решать сотни текущих дел, уйму организационных вопросов. На Я. М. Свердлова было возложено руководство секретариатом ЦК, он занимался военной организацией большевиков, работой партии в профсоюзах, землячествах и иных массовых организациях, созывом первой конференции фабрично-заводских комитетов, конференции женщин и т. д.

Я. М. Свердлов занимался распределением и расстановкой партийных сил. Испытанные большевики, возвращавшиеся из тюрем, ссылки и эмиграции, передовые питерские рабочие, прошедшие школу революционной борьбы, направлялись Центральным Комитетом в качестве инструкторов и организаторов, агитаторов и пропагандистов по всей стране, в армию, на флот. Здесь впервые широко проявилось знание людей, которое годами накапливалось у Якова Михайловича в период подполья, в нелегальных организациях, в тюрьмах, на этапах и в ссылках, беспрестанно обогащалось в первые месяцы революции. Казалось, он держал в памяти тысячи людей. Хотя бы раз встретив человека, хотя бы раз поговорив с ним, Яков Михайлович никогда уже его не забывал.

В июне 1917 г. Ваня Абоимов, участник одного из сормовских кружков, которыми Яков Михайлович руководил в 1903 г., встретил его во дворце Кшесинской.

«Товарищ Яков взглянул на меня, — вспоминает Абоимов, — приложил палец к носу и, не напрягая памяти, спросил:

— Ваня Абоимов?

Я не мог сдержаться от слез: так я изменился и через такое громадное время он меня сразу узнал»³.

В своих воспоминаниях о Якове Михайловиче Емельян Ярославский писал: «Многолетняя революционная практика давала ему богатую возможность знать всех выдающихся работников нашей партии, его голова была учетно-распределительным отделом, она хранила в своей памяти образы тысяч подпольных работников, и она же фиксировала, закрепляла образы тысяч новых работников, пришедших к нам в революционные дни. Свердлов распределял эти силы, помогал партии строить боевую организацию»⁴.

Десятки людей шли ежедневно в ЦК, к Свердлову. Старый большевик, матрос Павел Дмитриевич Мальков, являвшийся членом Центробалта и Гельсингфорсского комитета большевиков, вспоминает: «Мне неоднократно приходилось в 1917 г. бывать по различным вопросам в ЦК и во дворце Кшесинской, и на Коломенской, и на Фурштатдтской, — мы, балтийцы, всегда шли к Якову Михайловичу, от него мы получали указания, у него находили ответ на все вопросы.

Помню, как впервые мы с товарищем пришли во дворец Кшесинской. Это было в мае или июне 1917 года. Спрашиваем, где тут ЦК большевиков. Нам показали. Заходим. Встретил нас Свердлов. Яков Михайлович подробно расспросил о настроениях на кораблях и в гарнизоне, о работе большевиков, о людях. Слушал внимательно, иногда шутил, сме-

³ Ив. Абоимов. Грустное воспоминание. «Яков Михайлович Свердлов». Сборник. Госиздат. 1926, стр. 158.

⁴ «Яков Михайлович Свердлов». Сборник. Предисловие, стр. 48.

ялся. Говорить с ним было легко. Вопросы он ставил очень ясно, четко. Советы и указания давал твердо, решительно. Когда мы вышли от него, мой товарищ сказал: «Вот это человек! Боевой!». Боевой! Именно таким был Яков Михайлович»⁵.

Старый член партии Е. М. Соловей, работавшая в 1917 г. в Рождественском райкоме партии в Петрограде, вспоминает: «Нам никто не сдавал помещения под райком, мы сняли следочный подвал... Пришла я в Петербургский комитет, потом в ЦК и разговаривала со Свердловым, рассказываю, что кто ни придет, никто в этой вонь сидеть не хочет. Он говорит: «Как же вы не знаете, что у вас в районе организуется союз пекарей и булочников, во главе его стоит ваш знакомый Борис Иванов. Пойдите, возьмите его за горло, он даст помещение». Я пришла к Иванову от имени Якова Михайловича, и он дал комнату. Яков Михайлович знал все и всех, знал, что в Рождественском районе находится Иванов, и меня к нему направил»⁶.

Яков Михайлович, как и большинство партийных работников, постоянно выступал с докладами и лекциями перед рабочими, солдатами, на фабриках и заводах, в воинских частях и клубах. «Мне еще до Октябрьского восстания, — вспоминает, например, старый член партии С. Г. Уралов, — посчастливилось много раз слушать выступления Я. М. Свердлова.

Слышанные мною выступления и речи Я. М. Свердлова являлись могучим средством воздействия на умы и чувства слушавших его, они звали к действию»⁷.

Свердлову постоянно приходилось председательствовать на митингах, собраниях, заседаниях, съездах, проходивших порою чрезвычайно бурно. «Я не раз наблюдала Я. М. Свердлова, — пишет Л. А. Фотиева, — как председателя того или иного многочленного собрания и поражалась, как он умел подчинять своей воле многие сотни, а порой и тысячи людей. Его могучий голос перекрывал любой шум, его сильная воля покоряла массу. Он быстро наводил порядок в самой шумной и разношерстной аудитории и овладевал собранием»⁸.

2 июля с шестилетним сыном Андреем и четырехлетней дочерью Верой я приехала в Петроград. Мы добрались до столицы после длительных мытарств, и я не смогла заблаговременно известить Якова Михайловича о нашем приезде. Переночевав у знакомых, утром 3 июля я захватила ребят, которых не с кем было оставить, и пустилась на розыски Якова Михайловича. Нашли мы его в секретариате ЦК.

Весь аппарат Центрального Комитета партии состоял в 1917 г. из секретариата; ни отделов, ни секторов тогда еще не было. На секретариате лежала вся организационно-техническая и значительная часть оперативной работы ЦК. Работало в секретариате всего 5—6 человек: Е. Д. Стасова, В. Р. и Л. Р. Менжинские, Б. А. Веселовский, машинистка по имени Ганя (фамилия ее стерлась из памяти). Секретариат ЦК помещался во дворце Кшесинской, где после февральской революции находились также Петербургский комитет, военная организация большевиков («Военка») и ряд других революционных организаций. Затем секретариату ЦК пришлось выехать из дворца Кшесинской и перебраться на квартиру Е. Д. Стасовой, а оттуда в помещение мужской городской гимназии на углу Коломенской и Разъезжей улиц. На дверях помещения, занимаемого секретариатом, была наклеена бумажная вывеска: «Секретариат ЦК

⁵ П. Д. Мальков. Из воспоминаний о Я. М. Свердлове. Архив ИМЛ, ф. 86.

⁶ «Стенограмма заседания Ученого совета Музея революции СССР от 7 мая 1955 г.», стр. 53—54.

⁷ С. Г. Уралов. Из воспоминаний о Я. М. Свердлове. Архив ИМЛ, ф. 86.

⁸ Л. А. Фотиева. Из воспоминаний о Я. М. Свердлове. Там же.

б-ов»⁹. С Коломенской секретариат ЦК выехал в начале сентября 1917 г. и разместился в помещении книжного склада издательства «Прибой» на Фурштатской.

Секретариат вел всю документацию ЦК, протоколы заседаний, архивы. На секретариат был возложен также подбор и направление работников на места. В секретариат приходили прибывавшие из провинции товарищи. Здесь выслушивали их сообщения и доклады, давали им советы и указания, материалы и литературу. Секретариат вел переписку с партийными организациями по всей стране, рассылал директивы, указания и инструктивные письма, отвечал на письма, поступавшие с мест.

Яков Михайлович неизменно каждый день по несколько часов проводил в секретариате ЦК. Секретариат работал обычно с 9 часов утра до 10 часов вечера, а иногда и по ночам. Яков Михайлович приходил в секретариат с утра и уходил часа в четыре — пять, отправляясь на очередное заседание, митинг или совещание. Он принимал здесь посетителей и приехавших из провинции товарищей, просматривал поступающую почту, редактировал и писал сам наиболее ответственные документы, давал задания работникам секретариата, привлекал в помощь, если это требовалось, работников ПК и районных организаций, вмешиваясь во все большие и малые заботы секретариата, направляя всю его деятельность.

Часа в четыре дня обычно ставили большой самовар, и все работники секретариата вместе с Яковом Михайловичем садились пить чай. Каждый выкладывал на стол «в общий котел» все принесенное из дому. За самоваром завязывалась оживленная беседа. Яков Михайлович объяснял наиболее важные политические события, знакомил товарищей с последними указаниями Ленина. Он стремился к тому, чтобы каждый работник секретариата полностью понимал стоявшие перед ним задачи и действовал сознательно, а не механически.

«Основной чертой его работы, — вспоминает Л. Р. Менжинская, — было быстрое и решительное заключение по всем делам. Он никогда не откладывал решения, если только оно зависело от секретариата, до следующего дня. На приходивших из провинции письмах и запросах Яков Михайлович всегда писал краткую резолюцию, которую секретари превращали в письма к организации...

Живость без суетливости давала возможность Якову Михайловичу переделать массу дел с большой интенсивностью и легкостью проработать материал секретариата и затем отправляться на вечернее заседание, где он председательствовал или выступал... Стоило появиться Якову Михайловичу, как всем становилось весело. Он все делал так легко, так быстро, отличался таким отсутствием мелочности, что и другим становилось легче и веселее работать»¹⁰.

Нашему приезду Яков Михайлович очень обрадовался. Тут же он познакомил меня с Еленой Дмитриевной Стасовой, с сестрами Менжинскими, Веселовским и другими товарищами, находившимися в то время в секретариате. Ребят он не отпускал от себя ни на шаг.

Заявив, что на сегодняшний вечер «берет отпуск» и нигде больше не покажется, Яков Михайлович вместе с нами отправился на Широкую улицу, где он жил в пустующей квартире известного Свердлова еще по Уралу инженера Бессера, выехавшего с семьей на лето из Петрограда. Когда мы подходили к дому, Яков Михайлович обратил мое внимание на высокое парадное на противоположной стороне улицы, расположенное в глубокой нише, с лепными фигурами наверху.

— Здесь живет Ильич, — сказал Яков Михайлович.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна поселились после при-

⁹ Л. Р. Менжинская. Я. М. Свердлов в период Февральской революции. «Яков Михайлович Свердлов». Сборник, стр. 90.

¹⁰ Там же, стр. 87—88.

езда в Петроград в этом доме, на Широкой улице, у сестры Ильича, Анны Ильиничны Елизаровой. Вместе с ними жила и Мария Ильинична Ульянова, другая сестра Владимира Ильича.

Не успели мы и несколько часов пробыть вместе, как к Якову Михайловичу кто-то пришел и с волнением сообщил о начавшемся выступлении солдат. Делегаты 1-го пулеметного полка ворвались на происходившее в это время заседание 2-й общегородской Петроградской конференции большевиков и заявили, что их полк немедленно выступает. Конференция прервала свою работу. Это было вечером 3 июля.

Яков Михайлович не стал терять ни минуты и тут же отправился во дворец Кшесинской. А к дворцу уже стекались демонстранты. В. И. Ленин в эти дни в Питере не было. Вместе с другими членами ЦК, ПК и работниками «Военки» Свердлов прилагал все усилия, чтобы удержать рабочих и солдат от выступления. Н. И. Подвойский, В. И. Невский, А. И. Слуцкий, Я. М. Свердлов и другие выступали с балкона дворца Кшесинской перед возбужденным народом, призывая к спокойствию и выдержке. Но все было тщетно; остановить стихийно возникшее выступление было невозможно. Яков Михайлович вернулся домой только под утро. Я не спала, ожидая его. Рассказав мне обо всем, что произошло, сообщив, что ЦК принял решение возглавить демонстрацию, он прилегал часа на два и вновь ушел.

Наступило 4 июля. В этот день, узнав о начавшихся событиях, Ленин вернулся в Петроград. Он одобрил решение ЦК, понимая, что иного выхода не было. С балкона дворца Кшесинской В. И. Ленин выступал перед демонстрантами. Организационная сторона демонстрации — направление людей в районы, на фабрики, заводы и в войска, инструкторное направление направляемых товарищей — сосредоточилась в руках Свердлова. Буржуазные газеты обливали большевиков ведрами грязи. Казаки и юнкера открыли стрельбу по демонстрантам, но спровоцировать вооруженное выступление им не удалось. Питерские рабочие и солдаты ограничились самообороной и не поддались на провокацию. Поздним вечером 4 июля ЦК принял решение прекратить выступление, поскольку рабочие и солдаты уже продемонстрировали свою революционную волю.

Используя временный перевес в силах, опираясь на поддержку меньшевиков и эсеров, контрреволюция перешла в наступление. На улицах Питера появились юнкера и вызванные с фронта войска. Началось разоружение революционных солдат и рабочих. 4 июля Якова Михайловича не было дома весь день, не пришел он и в ночь на 5-е. Лишь ранним утром раздался стук в дверь.

— Ты знаешь, — сказал Яков Михайлович, едва успев переступить порог, — юнкера сейчас разгромили «Правду». Ильич был в редакции и всего за полчаса до налета ушел оттуда. Задержись он еще немного, и угодил бы прямо в лапы этим мерзавцам. Просто чудо, что ему удалось спастись. Теперь можно ожидать всего, надо немедленно предупредить Ильича и увести его в безопасное место. Сюда, — Яков Михайлович кивком указал на противоположную сторону улицы, — в любой момент могут нагрянуть. Лучше всего, пожалуй, поместить его пока у Сулимовой, а там что-нибудь придумаем.

Времени терять было нельзя. Яков Михайлович захватил свой плащ и отправился в дом напротив. «В ночь на 5 июля была разгромлена «Правда», — пишет в своих воспоминаниях Мария Ильинична Ульянова, — о разгроме мы не знали до следующего дня. Утром, когда мы только еще вставали, к нам пришел Я. М. Свердлов и, рассказав о происшедшем ночью, стал настаивать на необходимости для Ильича немедленно скрыться... Яков Михайлович накинул на брата свое непромокаемое пальто, и они тотчас же ушли из дома совершенно незамеченными»¹¹.

¹¹ М. Ульянова. Подполье в «свободной» России. «Воспоминания родных о Ленине». Сборник. Госполитиздат. 1955, стр. 159.

«5 июля утром в моей квартире раздался звонок,— вспоминает старая большевичка М. Л. Сулимова, работавшая тогда в военной организации большевиков,— и когда я открыла дверь, то увидела Якова Михайловича, а за ним Владимира Ильича.

Владимир Ильич рассказал мне о разгроме «Правды», но тут бразды правления взял Свердлов. «Владимир Ильич останется пока здесь,— заявил Яков Михайлович,— и вы отвечаете за него головой. Никуда выходить не имеете права, к телефону будете подходить на все звонки сами, организуйте, чтобы были газеты».

Владимир Ильич пробыл у меня около двух дней, а потом ушел. Пока он был, Яков Михайлович заходил несколько раз, совещался с Владимиром Ильичем»¹².

Днем 5 июля Яков Михайлович ненадолго забежал домой, занес плащ и сообщил мне, что все прошло благополучно и он «запрятал Ильича» в надежном месте. В тот же день на нашей улице появился грузовик, из него высыпала целая толпа юнкеров и скрылась в том подъезде, где жил Ленин. Но Ильича они, конечно, не застали.

5 июля буржуазные газеты начали бешеную травлю большевиков, выступив с гнусными клеветническими обвинениями по адресу Ленина и других большевиков. Ищейки Керенского рыскали по всему городу в поисках Ленина. Но как ни бесились контрреволюционеры, найти Ленина им не удалось. Партия бдительно и зорко охраняла своего вождя.

Когда Яков Михайлович ночью 6 июля вернулся домой и мы с ним обсудили создавшееся положение, то решили, что и ему оставаться дольше в этой квартире небезопасно. Под утро Свердлов ушел из дома. Вновь начались его скитания по случайным ночевкам, началась полная опасностей и риска нелегальная жизнь, на этот раз в «свободной» России Керенского и Церетели.

После ухода Якова Михайловича я не могла оставаться с ребятами в чужой квартире. Мне удалось подыскать дешевое помещение на Васильевском острове, в меблированных комнатах, куда мы и переехали. Яков Михайлович появлялся у нас не чаще одного раза в четыре — пять дней, опасаясь слежки. Приходил он ночью, будил ребят, тормозил их, возился с ними, потом часа на три — четыре ложился спать и рано утром уходил.

После июльских событий погромщики в Питере распоясались вовсю. Ими был зверски избит заведовавший издательством Центрального Комитета партии «Прибой» Закс (Гладнев). Ему были нанесены сильные увечья, и он на время выбыл из строя. Тогда ЦК возложил заведование издательством на меня. Мне приходилось еще раньше, на Урале, работать в книжных магазинах, использовавшихся нами в качестве явочных квартир. В 1909—1912 гг. я работала в Петербурге в книжном складе «Провинция» и немножко знала книготорговое дело, из этого и исходил ЦК, направляя меня в «Прибой».

Хозяйство издательства было хотя и не очень большим, но довольно сложным, задачи стояли перед ним серьезные. «Прибой» издавал партийную литературу, распространял ее и рассылал по всей России. Почти в каждом номере «Рабочего пути», заменившего разгромленную в июльские дни «Правду», мы публиковали списки изданной нами литературы. Тут были работы Маркса и Ленина, манифест 3-й Циммервальдской международной социалистической конференции, брошюры: Зиновьева и Сталина «Кто виноват в поражении на фронте?», Свердлова «Крушение капитализма» (за подписью А. Михайлович), Ольминского, Милютина, Крыленко и Коллонтай, сборники басен Демьяна Бедного. Книги печатались в типографии ЦК.

¹² «Стенограмма заседания Ученого совета Музея революции СССР от 7 мая 1955 г.», стр. 14—15.

Со всех концов страны к нам беспрестанно поступали заявки на присылку книг, содержавшие порою до 40—50 наименований. По этим заявкам нужно было быстро комплектовать библиотечки и посылать на места. В «Прибые» работали 5 человек. Почти никто из товарищей опыта в книжном деле не имел, и, помню, зачастую одну библиотечку товарищ комплектовал в течение целого дня. Только постепенно мы наладили дело, разработали строгую систему, распределили книги и брошюры в определенном порядке, и на подбор одного комплекта стало уходить не более 15—20 минут. Помимо издания и рассылки книг по заявкам мы занимались и розничной продажей. Вся наша работа, издательская и торговая, сосредоточивалась первоначально в небольшом магазине на Николаевской ул., дом 12, вблизи от Невского.

Поскольку после июльских дней каждую минуту можно было ожидать налета, мы решили создать запасной склад и перебросить туда наиболее ценную литературу. Помещение под склад я сняла на свое имя в доме № 19 по Фурштатской улице. Дом этот принадлежал какой-то женской церковной общине. Явившись с невинным видом к сестрам-монахиням, я заявила им, что намереваюсь заняться частной торговлей книгами, и попросила сдать мне одну из квартир в их доме под склад. Паспорт у меня был «чистый», полиция Керенского меня еще не приметилла, так как я приехала в Петроград в самый канун июльских событий, в выступлениях партии в Питере до этого не участвовала.

Несколько комнат в этой квартире мы заняли под склад и там наладили комплектование библиотечек, а в остальные комнаты в начале сентября перебрался секретариат ЦК. Это было очень удобно, так как во всей нашей работе мы постоянно были связаны с секретариатом, от него получали указания, что и в какие сроки печатать. Дело мне приходилось иметь чаще всего с Яковом Михайловичем и Еленой Дмитриевной Стасовой, являвшейся тогда ближайшей помощницей Свердлова по работе в секретариате ЦК. Там же, на Фурштатской, невдалеке от склада, я сняла две небольшие комнатки, в которых мы с Яковом Михайловичем и поселились. Ребят к этому времени с нами уже не было, мы их отправили в Нижний Новгород, к отцу Якова Михайловича. Смотреть за ними в Питере было некому, да и с продуктами в это время было плохо.

В последних числах июля — начале августа состоялся VI съезд партии, взявший курс на вооруженное восстание. Еще в конце июня Центральный Комитет сформировал Организационное бюро РСДРП по созыву съезда, состоявшее из представителей ЦК, ПК и военной организации. Руководил работой бюро Я. М. Свердлов. 1 июля он выступал от имени ЦК на второй Петроградской общегородской конференции большевиков с докладом о предстоящем съезде партии¹³.

Подготовка к съезду велась в условиях преследований большевиков Временным правительством, в подполье. Помещение для первых заседаний съезда предоставляли большевики Выборгского района, а рабочие-выборгцы обеспечивали охрану съезда. Выступая в день открытия съезда с докладом Оргбюро, Свердлов говорил: «Только благодаря энергии Выборгского красного района удалось осуществить созыв съезда здесь, в Петербурге. Предлагаю выразить благодарность от съезда Выборгскому району за гостеприимство»¹⁴.

Ленин не мог быть на съезде. 11 июля он покинул Петроград и скрывался в подполье в Разливе, откуда и руководил работой съезда. Съезд открыл один из старейших деятелей русского революционного движения, Михаил Степанович Ольминский. В президиум съезда были избраны

¹³ См. «Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в 1917 г.». Госиздат. 1927, стр. 23—27.

¹⁴ «Протоколы Шестого съезда РСДРП(б)». Партиздат. 1934, стр. 10.

Свердлов, Ольминский, Ломов, Юрнев и Сталин¹⁵. Бурной овацией встретили делегаты предложение об избрании В. И. Ленина почетным председателем съезда.

Центральным на съезде был вопрос о политическом положении. Тезисы доклада по этому вопросу были подготовлены В. И. Лениным и пересланы им в ЦК. Делал доклад о политическом положении И. В. Сталин. В соответствии с указаниями Ленина в докладе был поставлен вопрос о вооруженном восстании. Выступая с организационным отчетом ЦК, Свердлов конкретными цифрами и фактами показал, насколько увеличились за последнее время партийные организации и как возросло их влияние. Эти данные подтверждали реальность постановки вопроса о вооруженном восстании.

Я несколько раз бывала на заседаниях VI съезда, но короткое время, и подробности заседаний мне не запомнились. Из рассказов участников съезда видно, какую роль играл на съезде Я. М. Свердлов. «Мне повезло присутствовать на нелегально проходившем VI съезде партии,— вспоминает С. Г. Уралов,— где, как известно, Яков Михайлович выступал с организационным отчетом Центрального Комитета... Меня поразило во время доклада его изумительное знание обстановки в стране, знание людей на местах, что имело тогда исключительное значение для подготовки вооруженного восстания»¹⁶.

В руках Свердлова была сосредоточена вся организационная сторона съезда. 29 июля, то есть на третий день после начала работы съезда, в газетах было опубликовано решение Временного правительства о запрещении каких бы то ни было съездов или конференций. Было ясно, что правительство узнало о начале VI съезда, и в любой момент можно было ждать налета. Состоялось закрытое заседание съезда, на котором председательствовал Яков Михайлович. На этом заседании были проведены выборы ЦК, причем состав ЦК по конспиративным соображениям на съезде не оглашался. Тут же было решено во избежание провала перенести заседания съезда из Выборгского района в другое место.

Л. Р. Менжинская, являвшаяся секретарем VI съезда партии, вспоминает: «Товарищ Свердлов на многих заседаниях был председателем... Ему партия обязана тем, что в момент возможного разгона съезда, благодаря его энергии и усилиям, тщательным проведением закрытого заседания, был обеспечен выбор нового ЦК, славного ЦК Октябрьской революции»¹⁷.

В конце августа, в связи с контрреволюционным мятежом генерала Корнилова, ЦК и ПК большевиков, военная организация, Центральный совет фабрично-заводских комитетов и большевистская фракция Советов призвали рабочих и солдат оказать решительный отпор Корнилову. 28 августа военная организация провела совещание с представителями полков Петрограда и окрестностей: Выборга, Кронштадта и т. д. Руководили работой совещания Свердлов и Дзержинский. Сплотившись вокруг большевиков, рабочие и солдаты сорвали планы Корнилова и его приспешников, контрреволюционный заговор провалился, а позиции большевиков несоизмеримо усилились. 31 августа в Петроградском Совете впервые были приняты политические резолюции, предложенные большевиками. Руководство Петроградским, а затем и Московским Советами перешло в руки большевиков. Лозунг «Вся власть Советам!» вновь встал на повестку дня.

В предоктябрьские месяцы на партию и ее Центральный Комитет легла особенно большая ответственность. Партия готовила рабочих и солдат к последнему штурму буржуазной власти. Трудно перечислить

¹⁵ Там же, стр. 5. Перечень фамилий и их последовательность здесь и далее даются в соответствии с протоколами и документами.

¹⁶ С. Г. Уралов. Из воспоминаний о Я. М. Свердлове. Архив ИМЛ, ф. 86.

¹⁷ Л. Р. Менжинская. Указ. соч., стр. 94.

вопросы, которыми пришлось заниматься Якову Михайловичу в этот период. Он руководил работой Оргбюро и технического секретариата ЦК. Ему была поручена подготовка заседаний, расширенных совещаний и пленумов ЦК, на которых он, как правило, председательствовал. Свердлов руководил фракцией большевиков в городской думе, принимал активное участие в работе Петроградского комитета большевиков, Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, участвовал в руководстве работой военной организации и т. д. А сколько отдельных конкретных вопросов выдвигала тогда жизнь ежедневно, сколько поручений текущего характера возлагал Центральный Комитет на того или иного члена ЦК, работника партии!

Несмотря на все возраставший объем работы, Яков Михайлович, как и всегда, не прекращал выступлений среди рабочих, перед солдатами. Газета «Солдат» в отчете об общем собрании военной организации, состоявшемся 31 августа 1917 г., писала: «На собрании присутствовал представитель ЦК нашей партии, который и сделал очень обстоятельный доклад о текущем моменте.

Дав исторический обзор событий, начиная с 27 февраля, товарищ Свердлов очень подробно обрисовал нерешительную и половинчатую политику советского большинства, вернее, вождей его, социал-революционеров и меньшевиков. Свой доклад тов. Свердлов закончил призывом к организации»¹⁸.

15 сентября 1917 г. Центральный Комитет партии обсуждал исторические письма Ленина о вооруженном восстании¹⁹. Письма Ильича были переданы в ЦК Марией Ильиничной Ульяновой. Она вручила их Елене Дмитриевне Стасовой, каждое — в 10 экземплярах. Елена Дмитриевна мне рассказывала, что сама перед заседанием раздала полученные ею письма членам ЦК.

Ленинские письма вызвали большие разногласия. Некоторые члены ЦК считали восстание преждевременным. ЦК решил обсуждение вопроса отложить, а копии писем Ленина уничтожить, оставив всего по одному экземпляру²⁰. Но рабочие-большевики вскоре узнали содержание писем Ленина. Среди тех, кто ознакомил партийный актив с содержанием этих писем, был Я. М. Свердлов. Через день или два после заседания ЦК, решившего не распространять ленинских писем, он имел беседу с путиловцами.

Свердлов рассказал путиловцам о последнем письме Ленина, в котором вождь партии требовал тщательно готовиться к восстанию²¹. Представители путиловцев рассказали об указаниях Свердлова и его требованиях на очередном собрании актива района, состоявшемся 19 сентября. Актив был ознакомлен с содержанием ленинских писем о восстании.

Живая, повседневная связь с местными организациями давала Якову Михайловичу полное представление о фактическом соотношении классовых сил по всей стране, о беспрестанно увеличивавшемся влиянии большевиков в массах и росте партийных организаций. В статье, опубликованной в «Рабочем пути» в начале сентября, Я. М. Свердлов писал: «Из целого ряда российских городов приходят известия о том, что организации нашей партии за последний период очень сильно выросли. Но что имеет еще большую важность, так это рост нашего влияния в самых широких демократических массах, массах рабочих и солдат... Слово «боль-

¹⁸ «Солдат», 1917 г., № 17; «Большевизация петроградского гарнизона в 1917 г.». Сборник. Лениноблиздат. 1932, стр. 243.

¹⁹ Имеются в виду письма «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание». См. В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 1—9.

²⁰ «Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918 г.». Госиздат. 1929.

²¹ «История Путиловского завода». Соцэжгиз. 1939, стр. 694—695.

шевик», бывшее в первые недели после июльских событий чем-то пугающим массы, теперь стало синонимом решительного революционера. И ни одна партия не пользуется таким весом, как наша. На местах образовались революционные комитеты, революционные трибуналы — новые органы революционной власти»²².

10 октября состоялось историческое заседание Центрального Комитета партии, на котором, впервые после избрания Центрального Комитета VI съездом, участвовал Ленин. Председательствовал Я. М. Свердлов. Заседание ЦК открылось сообщением Свердлова о положении на Румынском фронте, в литовских организациях партии, в Минске и на Северном фронте. Свердлов доложил ЦК, что по поступившим из Минска сведениям там готовится новая корниловщина, а на Северном фронте затевается темная история с отводом войск вглубь страны. Было ясно, что контрреволюция пойдет на все, вплоть до открытия фронта и сдачи Петрограда немцам, лишь бы раздавить революцию. Однако, говорил Свердлов, «на фронте настроение за большевиков, пойдут за ними против Керенского»²³.

С докладом о текущем моменте выступил Ленин. Владимир Ильич ярко и убедительно показал, насколько изменилась обстановка по сравнению с июльскими днями. Если тогда, в начале июля, решительные действия со стороны большевиков разбились бы об отсутствие большинства в стране, то теперь большинство на стороне партии, и инициатива должна быть за большевиками. Ленин в то же время отметил, что «с начала сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании», и потребовал немедленного перехода к решительным действиям²⁴. На этом заседании Каменев и Зиновьев утверждали, что восстание обречено на провал, и предлагали ничего не предпринимать до созыва Учредительного собрания. Но Центральный Комитет отверг точку зрения Каменева и Зиновьева и принял ленинскую резолюцию. В резолюции ЦК, написанной В. И. Лениным, говорилось, что «вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы...»²⁵.

16 октября состоялось заседание ЦК совместно с представителями Исполнительной комиссии ЦК, военной организации, большевистской фракции Петроградского Совета, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов, подробно обсудившее вопрос о вооруженном восстании. Председательствовал на заседании Свердлов. Заседание открылось вступительным словом В. И. Ленина, ознакомившего собравшихся с решением ЦК о вооруженном восстании, принятым 10 октября. В. И. Ленин дал анализ внутренней и международной обстановки и убедительно показал необходимость вооруженного восстания. Затем Я. М. Свердлов доложил от имени секретариата ЦК о положении дел на местах. В этом докладе проявились хорошее знание фактов, глубокое понимание политической обстановки и несокрушимая вера в правильность ленинской линии. Яков Михайлович говорил, что партия ныне объединяет уже не менее 400 тыс. членов, что рост ее влияния в Советах, армии и флоте огромен, и нет оснований сомневаться в успехе восстания. В то же время Свердлов привел ряд доказательств мобилизации сил контрреволюции и подчеркнул, что промедление ныне недопустимо.

Зиновьев и Каменев пытались доказать, что сил для восстания недостаточно и выступление закончится поражением. Кос-кого из присутствовавших испугали мрачные прогнозы Зиновьева и Каменева, и отдельные

²² «Рабочий путь», 7 (20) сентября 1917 г., № 3.

²³ «Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918 г.», стр. 99.

²⁴ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 160.

²⁵ Там же, стр. 162.

участники совещания начали говорить, что сил действительно недостаточно. Защищая ленинскую точку зрения, Я. М. Свердлов говорил: «В Питере сила наша, юнкера не страшны, особенно если мы выступим первые. Не разделяю того пессимистического настроения, которое здесь проявилось. Соотношение сил в нашу пользу»²⁶.

Заседание ЦК 16 октября приняло ленинскую резолюцию подавляющим большинством голосов при двух против — Каменев и Зиновьев — и четырех воздержавшихся. ЦК избрал Военно-революционный центр по руководству восстанием в составе Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого и Дзержинского²⁷. Было решено, что «этот центр входит в состав революционного Советского комитета»²⁸, то есть Военно-революционного комитета, созданного при Петроградском Совете.

ВРК опирался на «Военку», на партийные организации районов, фабрик и заводов, на аппарат Петроградского Совета. В работе ВРК активно участвовали Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий, Дзержинский, Аванесов, Антонов-Овсеенко, Еремеев, Лашевич, Механошин, Невский, Подвойский, Садовский, Скрипник, Стучка и другие. Председателем ВРК в первые дни был левый эсер Лазимир, а затем Подвойский. На заседаниях ВРК председательствовали и другие товарищи. Всю работу по подготовке вооруженного восстания направлял В. И. Ленин. Еще до октябрьских дней, вскоре после создания ВРК, Владимир Ильич вызывал к себе Подвойского, Невского и Антонова-Овсеенко с подробным докладом о ходе подготовки восстания и давал им конкретные указания.

Через день после решения ЦК от 16 октября Каменев и Зиновьев нанесли партии из-за угла предательский удар: они выступили на страницах меньшевистской газеты «Новая жизнь» с пространством протестом против решения ЦК и тем самым выдали буржуазии планы большевиков. Поведение Каменева и Зиновьева вызвало неистовый гнев Ильича.

18 и 19 октября Ленин направил в ЦК два письма, в которых раскрывал всю глубину и последствия предательства Каменева и Зиновьева и требовал их немедленного исключения из партии.

20 октября состоялось заседание ЦК, посвященное обсуждению писем Ленина. Ленин не мог сам присутствовать на этом заседании, и его письма зачитал Центральному Комитету Яков Михайлович. Вслед за тем слово взял Дзержинский. Феликс Эдмундович предложил немедленно отстранить Каменева от политической деятельности. И. В. Сталин предложил никакого решения не принимать и отложить обсуждение ленинских писем до пленума ЦК. Милютин присоединился к мнению Сталина и заявил, что «вообще ничего особенного не произошло»²⁹. Вновь взял слово Свердлов. Поступок Каменева, заявил Яков Михайлович, «ничем не может быть оправдан... вопрос должен быть разрешен сейчас, собрание достаточно авторитетно и должно дать ответ и на заявление Ленина и на заявление Каменева о выходе из ЦК. Отставка Каменева должна быть принята»³⁰. И. В. Сталин настойчиво повторил свое предложение. Он предложил обязать Каменева и Зиновьева «подчиниться, но оставить их в ЦК»³¹. Центральный Комитет отклонил предложение Сталина и Милютина. Он постановил вывести Каменева из ЦК и воспретить Каменеву и Зиновьеву какие-либо выступления против решений ЦК и намеченной им линии.

Подготовка к восстанию шла полным ходом. Смольный кипел. Тысячи и тысячи рабочих, моряков, солдат нескончаемым потоком влива-

²⁶ «Протоколы ЦК РСДРП. Август 1917 — февраль 1918 г.», стр. 120.

²⁷ Там же, стр. 124.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, стр. 127.

³⁰ Там же, стр. 128.

³¹ Там же.

лись в огромное здание, растекались по широким коридорам, просторным комнатам вчерашнего Института благородных девиц. Отсюда, из Смольного, шли указания, распоряжения, приказы. В эти дни я постоянно бывала в Смольном. Я хорошо помню бурные и страстные собрания, беспрестанно проводившиеся в последние предоктябрьские дни в различных комнатах Смольного. Собирали представителей районов, военных организаций, отдельных профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов... Каждый, у кого была хоть одна свободная минута, стремился побывать на том или ином собрании, поближе узнать настроения, убедиться в готовности масс к штурму. На многих собраниях я видела Якова Михайловича, Дзержинского, Урицкого, Подвойского, Невского, Антонова-Овсеенко...

Помню, как твердо и решительно вел в эти дни Яков Михайлович собрания, с какой суровой непреклонностью он пресекал малейшие попытки взять под сомнение решение ЦК о восстании, как боролся с паникой и растерянностью тех, у кого возникали колебания и сомнения. Помню, как обрывал он Рязанова, Ларина, Чудновского, пытавшихся оспаривать решение ЦК.

Члены Военно-революционного центра — Свердлов, Сталин, Дзержинский, Урицкий, Бубнов, — входя в состав ВРК, осуществляли в нем руководство ЦК. Они работали в комнате ВРК, но вместе бывали там редко. То один, то другой, то двое — трое сразу уезжали, уходили, затем появлялись вновь. Совещались они между собой редко, на ходу, каждый решал кучу вопросов, решал немедленно, заражая всех своей энергией и энтузиазмом. Настроение у всех было бодрое, приподнятое. Вопросы возникали поминутно такие, которых нельзя было ни предусмотреть, ни предугадать, и решения по ним принимались быстро.

В комнате, где работали члены Военно-революционного центра, постоянно дежурила Мария Николаевна Покровская, с которой мы были очень дружны. Мария Николаевна отвечала приходившим товарищам на их вопросы, давала необходимые справки, советы и указания. Мне нередко приходилось заменять ее, и тогда на меня обрушивался шквал вопросов, ураган распоряжений. Но теряться нельзя было, и я брала на себя решение частных, оперативных вопросов, говорила, кого куда послать, кому с кем связаться, где получить оружие, боеприпасы, литературу. Грань между днем и ночью стиралась. Помню, как Яков Михайлович или Феликс Эдмундович порою засыпали на час — другой у себя на столе: ни кроватей, ни диванов в комнате не было.

В октябрьские дни я встретила в Смольном с Владимиром Ильичем. Ленин шел куда-то с Надеждой Константиновной Крупской и вполголоса разговаривал с ней. Вид у него был усталый, выражение лица сосредоточенное, лоб нахмурен. Как видно, он был чем-то взволнован, расстроен.

— Ты знаешь, кто это? — обратилась к нему Надежда Константиновна. Чуть прищурившись, Ленин внимательно посмотрел на меня. Я подошла.

— Ведь это же Клавдия Тимофеевна Новгородцева, жена Якова Михайловича!

Надо было видеть, как изменился Ильич. Разгладилась морщина на высоком лбу, ласковая улыбка озарила лицо, а в глазах загорелись и забегали такие теплые, такие веселые и хорошие искорки. Приветливо, по-дружески, как очень близкому человеку, он пожал мне руку, сказал пару слов, и мы разошлись.

С тех пор я не раз встречала Ильича, не раз разговаривала с ним, но ту встречу я никогда не забуду. Пожалуй, тогда впервые я поняла, как ценил Ленин Свердлова.